

HARLEQUIN®

105

Блайт Тиссфорд

ЮЛОВНЫЕ ОШИБКИ ЛЕДИ ВАЛЕРИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Блайт Гиффорд

Любовные ошибки леди Валери

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Гиффорд Б.

Любовные ошибки леди Валери / Б. Гиффорд —
«Центрполиграф», 2017 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08894-9

Придворную жизнь всегда сопровождали тайны, интриги, слухи. А иногда и парадоксы, как в судьбе герцога Ланкастера, получившего право на кастильский престол, который только предстоит отвоевать. Планы его сподвижника, храброго рыцаря сэра Гилберта Волфолда, тоже связаны с далекой жаркой Кастилией, а пока в родной Англии ему приказано жениться. Будущая супруга, леди Валери, не была счастлива в первом браке и считает, что так происходит у всех. Муж был с ней груб и жесток, тем не менее Валери жалеет, что у нее нет детей. Покорная и отрешенная, леди Валери тронула сердце сэра Гилберта, он старается сблизиться с молодой вдовой и понять ее необычный характер. Способны ли эти два человека полюбить друг друга? И что их объединяет, кроме мрачных тайн и призрачной мечты?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08894-9

© Гиффорд Б., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Блайт Гиффорд

Любовные ошибки леди Валери

Whispers at Court

© 2017 by Wendy B. Gifford

«Любовные ошибки леди Валери»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Лондон, 9 февраля 1372 г.

Несмотря на холод, казалось, весь город собрался поглазеть на королеву и увидеть герцога Ланкастера, или монсеньора Испании – он предпочитал, чтобы его называли именно так. В тот день он впервые предстал перед подданными как будущий король Кастилии.

Сэр Гилберт Волфорд стоял рядом с женихом, который готовился встретить новобрачную, королеву Кастилии, в своем величественном дворце на Темзе. Торжество омрачалось тревогой. Да, они победили в сражении, но еще не выиграли войну.

Хотя английский парламент признал Ланкастера, сына короля Англии, законным правителем Кастилии, многие кастильцы, в том числе нынешний король, придерживались на этот счет другого мнения.

Когда-нибудь Гил вернется на иберийские равнины и будет сражаться бок о бок с Ланкастером. На сей раз они не остановятся, покуда не отпразднуют победу во дворце Алькасар. Залог, который он носил с собой после их первой попытки, оттягивал карман, напоминая об обещании, данном себе самому.

Гил бросил взгляд на дам, которые собрались, чтобы приветствовать королеву. Среди них стояла и леди Валери, вдова Скаргилла. Она совсем недавно прибыла ко двору, и они еще не были знакомы, но ее показали ему издали. Ее легко можно было найти в толпе из-за вдовьего головного убора, который полностью закрывал голову. В нем она была похожа на монахиню.

Ее муж служил под его началом, и теперь ему предстояло выполнить тяжелый долг. Задача не из приятных; он охотно избежал бы ее.

В Кастилии враги прозвали Гила Эль Лобо, то есть Волк, потому что он убивал только ради того, чтобы защитить своих людей. Но ни один человек не способен спасти всех. Особенно на войне. Он не сумел спасти Скаргилла.

Процессия остановилась перед дворцом. Все устроили так, словно королева только что приехала. Можно подумать, что она и ее жених никогда прежде не встречались. На самом деле они поженились на континенте несколько месяцев назад, чтобы, не теряя времени, приступить к зачатию наследника.

Сына.

Гил гнал от себя сожаление. В тридцать лет у него не было ни жены, ни сына – и в будущем не предвиделось ни того ни другого. Он не имеет права жениться, пока не оставит позади и Англию, и прошлое своей семьи. Эль Лобо – прозвище куда более лестное, чем те, какими награждали его родичей здесь, в Англии.

Носильщики поднимались по лестнице, раскачивая паланкин с королевой из стороны в сторону. Наконец они достигли площадки, где стоял герцог. Паланкин опустили, и королева Констанца вышла и приблизилась к мужу.

Привыкшие к жаре испанских равнин, королева и ее свита не захватили с собой плащей, способных защитить их от британского холода. Им пришлось брать верхнюю одежду взаймы; их накидки не сочетались с цветами и фасонами платьев. Сразу понятно, что кастильская королева и ее приближенные живут в изгнании.

Впрочем, королева без королевства вовсе не выглядела униженной. Пусть ее муж Джон Гент – и герцог Ланкастерский, и сын английского короля, он может именоваться королем Кастилии только потому, что она – его жена. Свои притязания на трон он может предъявить только благодаря ее крови, а она – по наследству от отца.

Констанца кивнула своей спутнице, и та сняла с нее плащ.

Стоявшие за ним дамы ахнули.

Красное бархатное платье королевы было ярким, как кровь; от него невозможно было отвести взгляд. Она двинулась к мужу – нарочито медленно, демонстрируя лишь легкое почтение. Подойдя, она склонила голову и символически преклонила колено. Молодая гордячка! Ей семнадцать; она почти вдвое моложе мужа.

Гил заметил, какая она хорошенькая. Но ни одна женщина не способна заменить Ланкастеру покойную герцогиню. В ней герцог нашел не только династическую супругу, он обрел ту любовь, о которой поют трубадуры. Можно ли надеяться на то же самое во второй раз?

Гил совсем этого не ожидал.

Однако в своих мечтах он представлял, как стоит в мирных садах Алькасара с женщиной, которая смотрит на него влюбленными глазами...

Мечты, одни мечты! Сейчас не время жениться, если его супруга, подобно леди Валери, тоже может скоро овдоветь. Прежде чем он обзаведется семьей, он станет другим человеком и начнет новую жизнь за много миль отсюда, вдали от своего запятнанного прошлого.

Заставив себя вернуться в настоящее, он передал герцогу бархатный мешочек, в котором лежал свадебный подарок Констанце. Взяв мешочек двумя руками, медленно и торжественно, Ланкастер протянул ей свой дар, но она не взяла его, а отступила на шаг, показывая, чтобы подарок передали фрейлине.

При виде столь явного пренебрежения толпа потрясенно затихла.

Может быть, у нее так замерзли пальцы в дороге, что она боится выронить подарок?

Констанца кивнула стоявшему рядом с ней мужчине. Тот одной рукой подхватил мешок, а второй ловко поднял его, и все увидели покрытый резьбой золотой кубок в форме розы, с крышкой в виде летящей голубки.

Гилу нечасто доводилось видеть такие красивые предметы, созданные рукой человека.

Но Констанца, увидев кубок, даже не улыбнулась. Она снова царственным жестом показала, чтобы подарок отдали одной из ее спутниц.

Гил стиснул зубы и нахмурился. Ей следовало проявить благодарность! Если бы герцог не пришел ей на помощь, она и ее сестра, осиротев, так и скитались бы по Франции. Лишь с помощью мужа она может надеяться вернуть ту жизнь и тот титул, которые положены ей по праву рождения.

Королева подала знак одному из ее советников, плотному и широколобому кастильскому священнику. Тот сделал шаг вперед и заговорил:

– Королева просит сказать, что она счастлива приветствовать своего мужа, монсеньора Испании.

Священник говорил по-английски с сильным акцентом и запинаясь; Гил помнил, королева не говорила ни на одном наречии, кроме кастильского.

– Передайте ее величеству, – ответил Джон, глядя на Констанцу, – что я приветствую ее в Лондоне.

Королева и ее советник снова принялись переговариваться шепотом. Затем королева поджала губы и заговорила со священником довольно резко.

Тот откашлялся и снова повернулся лицом к своему «королю».

– Королева говорит: она надеется, что пробудет здесь недолго. Она ждет, что вы до конца года вернетесь к ней на родину и вновь посадите ее на престол. До тех пор пока она не вернется домой, в Кастилию, она просит, чтобы я оказывал вам всю возможную помощь в управлении страной и в разработке плана сражения.

Теперь губы поджал герцог, «монсеньор Испании». Его лицо посуровело, несмотря на деланую улыбку.

Выражение лица Гила отражало выражение лица короля. Да, Ланкастер стал королем, потому что женился на королеве. Тем не менее он – король. И сам король, а не какой-то кастильский священник, будет подбирать себе военных советников. Гил надеялся, что окажется в их числе.

– Поблагодарите королеву от моего имени, – велел Ланкастер. – Ваша помощь будет весьма ценной.

Он всего лишь проявляет вежливость, думал Гил, с трудом удержавшись от удивленного возгласа. Младшая сестра королевы и другие ее придворные поспешили внутрь, в тепло дворца. Герцог не может отказать жене в просьбе, как бы грубо она ни была изложена, в присутствии толпы народа. Ничего не изменилось. Когда начнется война, Ланкастер будет по-прежнему полагаться на Гила и других испытанных спутников.

Когда они развернулись, чтобы следовать за дамами, он отогнал тревогу. Сегодня у него другая обязанность.

Придворные дамы толпились у дверей, дожидаясь, когда можно будет войти, и он выискивал взглядом леди Валери, а затем остановился, чтобы рассмотреть ее получше, как осматривал бы поле боя перед началом атаки.

С первого взгляда он не заметил ничего примечательного. Вдова Скаргилла носила траур – черное платье и черный плат, как у монахини. Она стояла отвернувшись и казалась ниже ростом, чем другие женщины. Интересно, какого цвета у нее волосы – светлые или темные? Приятно ли смотреть на ее лицо? Улыбался ли ее муж, когда ложился к ней в постель?

Порыв ветра приподнял полы ее плаща. Она нагнулась, одергивая их, а он выругал себя за неуместные мысли. Не следует думать так о вдове одного из своих соратников.

Скаргилла убили несколько месяцев назад, и ей уже сообщили об этом. Хорошо, что не он станет вестником горя.

Однако он решил во что бы то ни стало передать его вдове мятую полоску белого шелка, которую ее муж носил у сердца.

Ветер улегся. Леди Валери подняла голову, и он мельком увидел ее лицо. У нее были печальные темные глаза. Может быть, она утешится, получив залог, который так берег ее муж.

Англичанок и кастильских дам повели во дворец, а затем в парадный зал. Они шли совсем рядом, и Валери слышала разговоры на иностранном языке. Она почти ничего не понимала, но ритм речи и слабый аромат кастильского мыла казались ей знакомыми.

Возможно, память о них хранила ее кровь. Кровь, которую Валери унаследовала от своей прабабки, уроженки Кастилии, давным-давно приехавшей в Англию. Как и Констанцу, королеву Кастилии, ее тоже забрали из дома и отправили очень далеко.

Валери коснулась медной эмалевой броши на платье – напоминании о ее давно умершей родственнице. Здесь, при дворе, где много коварных ловушек, она должна ходить с высоко поднятой головой. Все равно скоро ей позволят вернуться в свое имение, к своему дому и саду, хотя сейчас, зимой, сад еще пребывает в спячке.

Королева дошла до середины зала и развернулась. Валери прищурилась, стараясь получше ее разглядеть. Констанца оказалась блондинкой; издали ее волосы казались желтоватыми. Интересно, какого цвета у нее глаза, неужели голубые? Трудно разглядеть с такого расстояния. Нос, похоже, длинноват, не по моде; она высокая и хорошо сложена.

Разумеется, внешность Констанцы не имела никакого значения. Она принесла мужу в дар свою страну, а не свою красоту. А у женщины, пусть даже она королевского рода, выбора не больше, чем у любой другой. Она должна выйти замуж по государственным соображениям, и не имеет значения, что творится у нее на сердце. И если Констанца хочет быть королевой на самом деле, а не только номинально, ей нужен муж, который достаточно богат и готов сражаться за ее владения.

Внезапно королева приложила руку к животу, и кастильские дамы обступили ее плотным кольцом.

Верить ли слухам? Говорят, королева Кастилии приехала в Англию какое-то время назад, но оставалась в загородном замке – судя по всему, из-за недомоганий, которые сопутствуют первым месяцам ожидания ребенка.

Герцог – Валери по-прежнему не могла даже в мыслях называть его королем – должно быть, не тратил времени и сразу наградила ее наследником. Им обоим нужно доказать, что они способны произвести на свет следующее поколение тех, кто взойдет на кастильский трон, так что, наверное, именно поэтому королева сейчас выглядит и ведет себя не лучшим образом. Но ей все простится, если она родит сына.

Что не удалось Валери.

– Она выглядит такой юной, – прошептала леди Кэтрин, стоящая рядом.

Валери согласно закивала и что-то прошептала в ответ. Королева была почти ровесницей Валери и всего на несколько лет моложе леди Кэтрин. Кэтрин тоже недавно овдовела, однако у нее было трое своих детей. Наверное, ей кажется, что она прожила долгую жизнь.

«Хотя она оплакивает мужа не больше, чем я». Валери сама не знала, как она это поняла. Они с Кэтрин познакомились совсем недавно и никогда не говорили о своих покойных мужьях, но Валери не сомневалась: обе они, как положено, молятся за упокой души своих мужей, под-сознательно радуясь обретенной свободе.

Дамы, окружившие королеву, наконец расступились. Констанца села в кресло рядом с герцогом. Рядом с ней встала ее сестра. Лорды и леди выстроились в ряд, готовясь к представлению.

Валери, которая подходила к королеве следом за Кэтрин, была удивлена и польщена тем, что ее пригласили на эту церемонию. Ее покойный муж был рыцарем, но довольно скромным, как и муж леди Кэтрин. Конечно, Кэтрин получила приглашение потому, что она заботилась о детях герцога от первого брака. Теперь она перейдет в свиту его второй жены; она поможет королеве узнать все, что нужно, об Англии и, может быть, даже о ее собственном муже.

Пока Валери знакомили по крайней мере с дюжиной фрейлин, она отделялась вежливыми кивками. Фрейлины улыбались и тоже молчали, не осмеливаясь заговорить на незнакомом языке.

Даже королева оставалась бесстрастной, знакомясь с многочисленными придворными. Наверное, бедняжка не различала проходящих перед ней незнакомцев.

Услышав, как произносят ее имя, Валери опустилась на колени перед королевой. До ее ушей донесся обрывок фразы: герцог обратился к переводчику, который затем перевел его слова королеве: «Она правнучка одной из дам, которая приехала в Англию с Элеонорой Кастильской, женой Эдуарда I».

Да, фрейлина Элеоноры Кастильской была ее прабабкой. Почти сто лет тому назад она состояла в свите еще одной королевы-иностранки.

Услышав перевод, королева кивнула и спросила, говорит ли Валери на ее языке.

К сожалению, кастильский язык для нее такой же чужой, как ее язык – для королевы.

Она покачала головой.

– Могу лишь сказать «Добро пожаловать».

Однако королева улыбнулась. Она протянула руку, почтительно коснулась броши на груди Валери и обратилась к стоявшему рядом священнику.

– Королева хочет знать, не из ее ли страны ваша брошь? – перевел он.

– Да, ваше величество. Она тоже приехала из Кастилии, – ответила Валери.

Королева заговорила, отчетливо произнося каждое слово:

– Мы... должны встретиться еще.

Ее слова показались Валери благословением.

– Надеюсь, ваше величество.

Валери опустилась на колени перед герцогом – нет, королем! – почти не глядя на него; слова королевы задела ее за живое.

Встала она, еще улыбаясь. Повернувшись, она оказалась лицом к лицу с рыцарем, которого уже видела раньше: он стоял по правую руку от герцога. Темные кустистые брови нависали над голубыми глазами; точеные нос и скулы были обветренными. Незнакомец, как и ее муж, похоже, больше привык к полям сражения, чем к парадным залам.

Она вежливо кивнула и стала ждать.

– Леди Валери, я сэр Гилберт Волфорд.

– Вас прозвали Волком? – Ее улыбка увяла.

Перед ней стоял человек, который послал ее мужа на смерть.

Когда леди Валери повернулась к нему и их взгляды на миг встретились, он лишился дара речи.

Наконец-то он разглядел ее как следует. Светлая кожа. Черные глаза... они стали другими после того, как она поняла, кто он такой. Что стерло ее улыбку и вызвало грусть – его семейная история или военная репутация? Не имеет значения. Она словно поставила перед собой крепкий, непробиваемый щит. По ее лицу невозможно было угадать, о чем она думает. До последнего времени Гил считал вдову женщиной, которая нуждается в защите. Теперь ему показалось: такая женщина, такая союзница стала бы ценным приобретением на поле боя.

– Да, некоторые так меня называют, – не сразу ответил он. – Ваш муж служил в моей роте.

– Знаю. – Она опустила глаза в пол.

Неужели она снова погрузилась? Неужели заплачет?

Гил поспешил продолжить:

– Значит, вам наверняка известно, что атака, в которой он погиб, помогла снять осаду. Смерть вашего мужа была не напрасной.

– Какое утешение! – Ее тон подразумевал совсем другое.

– Он был достойным бойцом. Его гибель стала для всех ударом.

Их взгляды снова встретились. Ее броня не упала.

– Еще большим ударом она стала для меня.

А, значит, она обвиняет его в смерти мужа. Что ж, она имеет на то полное право.

– Мужчины на войне погибают, что бы мы ни делали. – Он знал, что война совсем не то, что о ней думают на родине.

Гил достал из-под мундира мятый, грязный кусок шелка.

– Вот что мы нашли на груди у вашего мужа, когда он погиб. Я решил вернуть это вам, чтобы вы знали, что он вспоминал о жене. – Он протянул ей шелковый шарф, который стал еще непригляднее, чем был, когда Гил нашел его на теле ее мужа.

Леди Валери не поспешила взять шарф; наоборот, она попятилась, как будто у полоски шелка были зубы и ткань могла укусить.

Гил взмахнул вытянутой рукой, желая поскорее освободиться от шарфа.

– Неужели вы не хотите снова получить его?

– Снова? – еле слышно прошептала она, потом подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. – Этот шарф не мой и никогда не был моим.

Глава 2

Валери закрыла глаза, чтобы не видеть грязной, мятой полоски шелка. Вот лишнее доказательство того, как мало она значила для мужа.

Сэр Ральф Скаргилл уплыл на войну прошлой весной. Пришла и ушла еще одна весна. Она не скучала по нему. Хотя она знала, что война идет плохо, никто не потрудился поделиться подробностями с женой рыцаря, а сам Скаргилл был не из любителей слать письма.

Несколько месяцев назад герцог вернулся с войны, а ее муж – нет. Только тогда ей все стало известно... Точнее, ей так казалось.

Потому что сейчас перед ней стоит мрачный человек по прозвищу Волк и протягивает ей шелковый шарф, который относительно недавно обнимал шею какой-то незнакомой женщины – она, несомненно, спала с ее мужем.

Приходилось ли ей тоже прятать синяки?

Даже если да, должно быть, он любил ту женщину, раз взял в бой вещь, которая напоминала о ней. У Валери он никогда не просил подарка на память.

А она и не предлагала.

Но стоящий перед ней мужчина, закаленный воин, прищурился, услышав правду.

– А я думал...

Ее кольнуло сожаление. Бедняга! Он лишь хотел утешить горюющую вдову, не зная, что она вовсе не горевала.

Сэр Гил сдвинул брови, однако в его взгляде мелькнуло сочувствие. Придворные косились на них; кое-кто останавливался рядом.

Валери отвернулась; до ее слуха донеслись обрывки разговоров. И без того плохо, что она заметила, как он потрясен. Ей не хочется видеть его жалость... как и чью бы то ни было.

– Подождите! – хрипло прошептал он, хватая ее за руку; его пальцы оказались жесткими, горячими.

– В чем дело? – Она нехотя повернулась к нему. Брошенная полоска шелка лежала у его ног. Валери с трудом удержалась от того, чтобы не наступить на нее.

– Мне жаль, – сказал он.

Наверное, он жалеет ее. Ему жаль, что он смутил бедную обиженную вдову.

Она улыбнулась, чтобы успокоить его. Мужчине нельзя чувствовать себя смущенным.

– Привычки моего мужа трудно назвать необычными. – Конечно, о таком не принято говорить. – А вы ни в чем не виноваты.

– Виноват – что привез вам эту вещь... Я пришел к скоропалительному выводу и поспешил к вам. Таких ошибок командир совершать не должен.

Она накрыла его руку своей, собираясь снять ее со своего плеча. Тепло его кожи было приятным.

У мужа руки были холодными. Всегда холодными...

Она поспешно отступила назад. Он не удерживал ее.

– Не сомневаюсь, вы хороший командир и сделали все, что могли. А теперь, прошу вас... я должна...

Валери ничего не могла больше сказать. Она знала одно: ей надо поскорее бежать от этого человека и его уверенности. Она успела заметить, что мятый шарф шелковый, а шелк – ткань недешевая. Была ли та женщина знатного рода? Или Скаргилл купил ей дорогую, редкую вещицу? Как бы там ни было, с подарком расстались ради того, чтобы он взял с собой в бой воспоминание о той женщине.

Оглядываясь в поисках знакомого лица, Валери вернулась к леди Кэтрин, надеясь, что та не начнет допытывать ее вопросами о Волке.

Но внимание ее спутницы было приковано к герцогу Ланкастеру. После того как представили последних приглашенных, он спустился с возвышения. Кэтрин что-то сказала Валери, но по-прежнему смотрела в другую сторону: она не сводила взгляда с герцога. В ее взгляде читалась тоска. Она смотрела на него так, будто...

Валери поспешила отогнать неуместную мысль. Нельзя всюду видеть измену и адюльтер только потому, что она узнала об измене покойного мужа. Несомненно, изменяют многие. Все мужчины ищут страсти за пределами брачного ложа. Жена не должна ожидать ничего, кроме супружеского долга. Она не ждала верности от Скаргилла, но никогда не думала, что его неверность так открыто выставят напоказ.

– Давайте подойдем поближе, – предложила леди Кэтрин. – Я хочу поговорить с герцогом о детях... – Она покраснела. – То есть с монсеньором Испании.

«Монсеньор Испании». Титул, который Ланкастер сам для себя выбрал, претендуя на трон, занятый другим.

Но сегодня никто не обращал на это внимания. Сегодня в своем дворце, окруженный своими придворными, Ланкастер наслаждался торжественной пышностью своего «заграничного» титула.

Они приблизились. При виде Кэтрин Ланкастер буквально расцвел. Валери, шедшая за ней по пятам, казалась себе невидимкой.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился Ланкастер. Потом он заметил Валери и чуть суше продолжал: – Как дети?

– Девочки послушные и даже сдержанные. А юный Генри считает, что он уже готов стать рыцарем, хотя ему всего пять лет.

Ланкастер усмехнулся:

– Ему недостает терпения! – Видимо, отца юного Генри это не беспокоило.

Кэтрин повернулась к Валери:

– Вы знакомы с леди Валери?

Они едва кинули взгляд друг на друга после того, как ее представили королеве Констанце, но теперь, впервые посмотрев на герцога как следует, Валери поняла, почему Кэтрин не могла отвести от него взгляда. Сильный, высокий... да, он настоящий воин, но помимо того он мужчина, которому можно доверять и в мирное время. Может быть, он станет хорошим королем для народа далекой Кастилии.

– Ваш муж был храбрецом, – сказал он.

Валери еле слышно поблагодарила его, хотя, судя по его остекленелому взгляду, он, в отличие от сэра Гила, не узнал бы Ральфа Скаргилла, даже если бы тот очутился перед ним во плоти. И все же она надеялась, что он не станет из лучших побуждений расспрашивать ее о полоске шелка, которую носил на груди ее муж.

Ланкастер ни о чем ее не спросил. Зато он вдруг заметил:

– Королева улыбнулась, когда знакоилась с вами. Здесь мало кто ей... нравится.

Валери оглянулась на королеву Констанцу. Та по-прежнему сидела в кресле на возвышении, откинув голову на высокую спинку и закрыв глаза. Может быть, прабабка Валери чувствовала себя так же одиноко, когда впервые попала в Англию...

– Наверное, моя отдаленная связь с ее родиной ей понравилась, ваше величество.

– Что говорит ваш управляющий? – Очевидно, Ланкастер покончил с темой своей жены.

При упоминании ее владений Валери оживилась. Флорем! Дом! Уголок мира, который принадлежал ей.

– Когда я уезжала, дела шли неплохо. Весной мы собираемся посадить больше ржи.

Скоро ли она вернется? Она успела укрыть розовые кусты, но, если начнутся заморозки, понадобится закутать их плотнее.

Ланкастер отвернулся, и она прикусила язык. Будущему королю совсем не интересны ее рассказы о ржи и пастбищах для овец.

– Больше вам не придется самой заботиться о хозяйстве. Я подыщу вам нового мужа.

Забывшись, она порывисто схватила его за руку.

– Но ведь я узнала о гибели мужа всего несколько месяцев назад! Мне не требуется помощь по хозяйству... – запинаясь, продолжала она, стараясь получше объяснить все герцогу. – К тому времени, как расцветет айва, я надеюсь...

На его лице и на лице леди Кэтрин застыло выражение потрясения.

Она поспешно отдернула руку и опустила глаза. Как быстро она обо всем забыла! Нельзя говорить с мужчиной в таком тоне, тем более с этим!

– На что же вы надеялись? – спросил герцог, язвительно улыбаясь.

– Я надеюсь, милорд, что проведу год в трауре. – Что ей дадут хотя бы год свободы, когда все оставят ее в покое и позволят заниматься любимым садом; ей не придется исполнять все прихоти какого-то мужчины.

Лицо герцога смягчилось.

– Разделяю ваше горе, леди Валери, но у вас нет детей.

– Да, конечно, я знаю, – пробормотала она.

Она в самом деле понимала. Необходимо подыскать ей нового мужа, нового защитника, нового мужчину, которого ей придется терпеть. А однажды она, несомненно, обнаружит, что ее постель осквернила еще какая-нибудь распутница.

Хорошо, что ее земля принадлежит только ей. Муж не имеет на нее права.

– И потом, – продолжал герцог тоном, не требовавшим ответа, – чем же вам еще заняться?

– Милорд, я думала... – Она замолчала, не зная, как закончить фразу. Она не может сказать, чего хочет на самом деле. Монсеньору Испании нет дела до ее сада.

Но он упомянул королеву. Может быть...

– Я думала, – продолжала она, – что могу служить королеве. Хотя бы временно...

– Служить? – недоуменно переспросил он. – В каком смысле?

Как лучше ответить? Конечно, королеве в свите не нужна садовница. Валери повернулась к леди Кэтрин и подняла брови, моля о помощи.

– Я могла бы помогать леди Кэтрин.

Ведь ясно – у леди Кэтрин, помимо обязанностей в свите королевы, есть свои дети и хозяйство.

Ланкастер презрительно отмахнулся.

– У королевы много своих фрейлин из Кастилии. Валери положила руку на плечо Кэтрин и сжала.

– Разумеется, все так, но ни одна из них не способна как следует познакомить ее с Англией. Разумеется, это сделает леди Кэтрин, но моя связь с родиной королевы, возможно, станет для нее утешением. А леди Кэтрин так занята с детьми...

Ну, пожалуйста... Неужели Кэтрин не откликнется на ее просьбу? Удастся ли ей убедить герцога?

Оставалось только молиться, что ее спутница поймет, что она имеет в виду.

– Какая замечательная мысль, милорд! – воскликнула Кэтрин, похлопав Валери по руке и лучезарно улыбнувшись Ланкастеру. – Леди Валери сможет стать еще одной компаньонкой королевы, пока та приспособливается к здешней жизни. И может быть, она поможет мне с вашими детьми.

Валери кивнула, подавляя страх. О детях она знала еще меньше, чем о жизни при дворе. Добрые слова королевы ненадолго согрели ее, но несколько слов на кастильском наречии еще

не делают ее подходящей компаньонкой для принцессы крови. В душе она хотела вернуться в Кент, а не оставаться здесь, в Лондоне.

И все же, если служба королеве означает отсрочку перед тем, как ее пошлют согреть постель очередному мужчине – пусть и ненадолго... она согласна.

– Да, я с радостью помогу!

Мрачная гримаса не сходила с лица герцога.

Валери знала, что теперь она должна покорно улыбнуться; при виде такой улыбки мужчины чувствуют себя всемогущими и великодушными.

– Конечно, милорд, выбор за вами. Я поступлю сообразно вашему желанию и буду благодарна за вашу доброту и заботу. – Даже она сама слышала, что ее слова звучат неискренне.

Он наконец улыбнулся.

– Не сомневаюсь, Кэтрин будет рада вашей помощи.

– Как и королева, конечно, – поспешила добавить Кэтрин.

И Валери, которая совсем не была в том уверена, сделала реверанс и еле слышно поблагодарила герцога. Кэтрин повела ее прочь. Валери с трудом сдерживала радость. Значит, еще несколько недель она сумеет двигаться и говорить, не испрашивая согласия мужа!

– Благодарю, – сказала она, когда они отошли подальше, и герцог не мог их слышать. – Мне пока невыносимо...

Она покачала головой и не договорила. Она и так сказала слишком много.

– Не надейтесь, что передышка будет долгой, – предупредила Кэтрин, тихонько похлопывая ее по руке. – По-моему, не позже весны.

Валери посмотрела на Кэтрин, не в силах скрыть ужас. В марте она надеялась полоть сорняки вокруг айвы.

– А вам он тоже нашел мужа? – Она не сдержала горечи.

Кэтрин тоже вдова. Конечно, и она достанется какому-то мужчине как приз.

– Нет. – Кэтрин отвернулась и покраснела. – Герцог по доброте своей позволил мне помогать его жене и растить его детей.

– Хотелось бы и мне остаться незамужней, как вам.

– Может быть, я и выйду замуж... когда-нибудь. – В голосе Кэтрин слышалась странная тоска.

Может быть, Валери все же ошибалась. Может быть, Кэтрин горячо любила мужа и мечтает о другом брачном союзе.

– Мой брак был не из тех, которые хочется повторить, – с трудом призналась она и сразу поняла, что сказала лишнее.

– Так бывает не у всех. Герцог и леди Бланш очень любили друг друга, – задумчиво проговорила Кэтрин.

Как будто такое возможно! Один брак из... скольких? Их больше, чем волн на море. Валери покачала головой.

– Я таких браков не видела.

Конечно, не так было и у ее матери с любым из ее мужей.

У женщины выбор невелик. Она может уйти в монастырь или выйти замуж. Стать невестой Господа – или мужчины. Для некоторых вдов, богатых вдов, смерть мужа может означать новую, независимую жизнь. Но она к ним не принадлежит.

Правда, у нее есть земля, подаренная очень давно той прабабке, что приехала из Кастилии. По крайней мере, земля навсегда останется в ее собственности. Возможно, ее даже окажется достаточно, чтобы ее оставили в покое, позволили ухаживать за розами и за айвой. Одна мысль об этом была как глоток свободы.

Но нет, ее отдадут новому тюремщику, и она вынуждена будет исполнять каждый его каприз. Валери это знала. Знала всегда. Однако на миг она понадеялась на другую жизнь.

– Но ведь вы нашли другой путь...

Кэтрин покачала головой.

– Не завидуйте мне и не пытайтесь променять свою жизнь на мою. Вы очень многого не знаете.

Кэтрин отвернулась, и Валери задумалась о том, чего она не знает. Что ж, пусть Кэтрин хранит свои тайны. Кое-чем и ей самой не хочется делиться.

Но почему Кэтрин позволили остаться свободной с детьми, когда она...

Ах да, конечно! Все из-за детей. У Кэтрин трое детей. У Валери ни одного, поэтому ее необходимо срочно выдать замуж. Ей придется ложиться в постель с мужем, пока его семя не прорастет и она не понесет его дитя.

А что, если снова ничего не получится?

Подняв с пола брошенный кусок шелка, Гил задумался. О чем думал Скаргилл, когда из него уходила жизнь? О битвах в Гаскони? О последней женщине, которая согревала ему постель?

А может, он молился, чтобы Господь простил ему то зло, какое он причинил оставленной жене?

Гил сунул кусок шелка под мундир. Позже он выбросит его в мусор.

Он огляделся по сторонам. Напрасная трата времени все эти пышные приемы. Напрасная трата времени для человека, которому следует беспокоиться о том, что он владеет землей, а не титулом.

«Он взял себе невесту, которая сделала его королем. Но свой трон ему еще предстоит завоевать».

Джон, герцог Ланкастер, король Кастилии, «монсеньор Испании», был высоким, сильным и красивым, как будто на самом деле был королем. В тридцать два года, едва ли старше Гила, он был в самом расцвете сил. Кроме того, он считался самым богатым человеком в Англии, а может, и во всем христианском мире.

Кроме того, герцог Ланкастер – сын Эдуарда, короля Англии, поэтому его не устроит ничего, кроме королевского титула.

Будь он старшим сыном, он наследовал бы английский престол, но его отец, король, произвел на свет многих достойных сыновей. Поэтому, чтобы получить желаемый трон, Ланкастер вынужден был вести поиски за пределами Британских островов.

Гил разделял его стремление покинуть Англию. И земля Кастилии ему вполне подходила. Кастилия – то место, где он способен доказать, чего он стоит.

Но сегодня, вместо организации плана вторжения, Ланкастер вел светские беседы. Он назывался королем Кастилии только потому, что женился на дочери покойного короля.

Для того чтобы получить трон, понадобится не только свадьба, но и война.

Гил держался поодаль; ему не хотелось перебивать беседу Ланкастера с леди Кэтрин и леди Валери. Но когда они отошли, он приблизился к Ланкастеру, провожая взглядом миниатюрную женщину, одетую в черное. Сказала ли она герцогу, что он выставил перед всеми напоказ измену ее мужа?

– Ей нужно замуж, – сказал Гил, как будто он был виноват в том, что она овдовела и оказалась преданной; возможно, после ее свадьбы чувство вины рассосется.

– Но она незаменима для моих детей, – ответил Джон, глядя двум дамам вслед. – Я не могу без нее обойтись.

Конечно, вдовами были обе женщины, но говорил он только об одной из них.

– Я имел в виду леди Валери.

Слова Гила как будто развеяли транс.

– Ах да. Я попросил ее на время войти в свиту королевы.

Гил нахмурился. Он больше не хотел видеть эту женщину. Он хотел избавиться от нее, потому что она напоминала ему о его неудачах.

– Кроме того, – продолжал Ланкастер, – мысль о новом муже ее совсем не радует.

По какой-то причине эта мысль не радовала и Гила. Уж конечно, эта женщина не оплакивает первого супруга.

– Что же она намерена делать? Уйти в монастырь?

Возможно, на эту мысль его навел черный, почти монашеский, плат у нее на голове. Неожиданно ему захотелось сорвать черную ткань и увидеть, как она распустит волосы. Какого они цвета? Глядя в ее темные глаза, он даже не заметил, какого цвета у нее брови.

– Кажется, она мечтает об урожаях ржи, – с улыбкой ответил герцог.

Гил покачал головой и ответил улыбкой на улыбку. Что ж, она не в том положении, чтобы отказываться от нового мужа, пусть даже он будет обращаться с ней не лучше, чем Скаргилл. Она выйдет замуж за того, кого ей подберет Ланкастер, а ему до этого дела нет.

Зато война – его дело.

– Относительно вторжения, ваше величество! – Гилу по-прежнему трудно и непривычно было обращаться к герцогу как к королю. – Люди и корабли должны быть готовы к лету. Рекомендую высадиться в Португалии и оттуда двигаться походным порядком на Кастилию.

Атака из чужой страны вместо прямого нападения облегчит им жизнь; им не придется сражаться, пока они не высадятся на берег, пока люди и кони не будут готовы биться. Гил с самого начала был сторонником пути через Португалию. Если Ланкастер выберет его план, он наверняка прикажет Гилу возглавить армию.

– Пембрук приводит доводы в пользу Наварры, – ответил Ланкастер. – А другие – в пользу Галисии.

– Король Португалии считает претендента непосредственной угрозой для себя. Он наверняка нас поддержит.

– Пока мы не получим известий от посла, ни в чем нельзя быть уверенным, – ответил Ланкастер; потом он склонился к Гилу и понизил голос до шепота: – И у моего отца короля тоже имеются свои планы.

– Вернуться во Францию?

Некогда обширные французские владения королевской семьи стали раздробленными участками, да и те могли перейти в чужие руки. Они не могли отдать земли, на которых триста лет назад зародилась королевская династия...

Ланкастер кивнул.

– Но пока никому об этом ни слова!

Гил прикусил язык. В прошлый раз, когда он видел короля, некогда величайшего воина во всем христианском мире, Эдуард выглядел усталым и слабым. Но если сейчас он окреп настолько, чтобы вести военную кампанию...

Что ж, Гил отвечает не за Францию, а за Кастилию.

– В таком случае я займусь нашей кампанией. – Деньги, люди и корабли, чтобы перевезти армию, должны быть готовы к лету, военному времени года. – Самым удобным портом я считаю Плимут, поэтому соберу корабли там и...

– Прошу прощения. Одно слово.

Обернувшись, они увидели кастильского священника, которому хватило непочтительности вмешаться в разговор своего «короля».

Гил ждал, что герцог прогонит наглеца, однако ничего подобного не произошло.

– Да, Гутьеррес, в чем дело?

– Вам следует немедленно обнародовать официальное заявление, в котором вы объявите, что приняли титул монарха. Ваше заявление станет вызовом для претендента. Если вам угодно,

я могу вчерне составить такой документ, но прошу предоставить мне помещение, откуда я мог бы помогать вам и королеве заниматься государственными делами.

– Попросите моего управляющего подобрать вам подходящее помещение и наберите столько помощников, сколько вам понадобится. – Внимание Ланкастера снова переключилось на его новое положение, он с большой радостью занимался делами своего воображаемого королевства, а не реальной войной. – Я подпишу указ и обнародую его, как только все будет готово.

– Но для этого, монсеньор, мы должны создать печать. Может быть, вырезать на ней герб Кастилии, соединенный с вашими леопардами и лилиями?

Ланкастер широко улыбнулся. В последние дни Гил нечасто видел такую улыбку на губах герцога.

– Да, мне нравится.

Документы. Подписи. Печати. Страну завоевывают с помощью армии, а не указов! Так почему же Ланкастер беседует с этим кастильцем о том, какой герб вырезать на королевской печати!

– Ваше величество! – окликнул герцога Гил. – Как же план вторжения?

– Завтра... да, завтра! – не оборачиваясь, отмахнулся герцог.

Гил смотрел вслед удаляющимся Ланкастеру и кастильцу. Когда они остановились возле дам и герцог познакомил священника с леди Кэтрин, леди Валери шагнула в сторону, выходя из их кружка.

Гил по-прежнему не мог отвести от нее взгляда. Окруженная пестротой, шумом и суетой большого зала, в своем вдовьем наряде и монашеском платке она выглядела спокойной, хладнокровной, почти застывшей... Она напонила ему статую Девы Марии.

О чем она думает? О погибшем муже? Или о той женщине, которая была с ним последней?

Грязный шелк словно жег ему грудь.

Он быстро вышел на улицу. Зимний воздух прочистит ему голову.

Солнце уже садилось, день быстро угасал. Глядя на темнеющую реку, он попытался вспомнить, что ему известно о муже леди Валери. Гил был командиром, который гордился тем, что знает своих людей, однако в Скаргилле он не заметил ничего необычного. Мужчины на войне удовлетворяют свои потребности, как и должно быть.

Интересно, кто та женщина. Скорее всего, она не может похвастать благородным происхождением. Она не дама, которая заслуживает преданности рыцаря. Скорее всего, какая-нибудь маркитантка. Он не отличал их друг от друга и помнил в лицо только прачку, которая стирала ему белье. Но на войне страсть возбуждают странные вещи. Ежедневно глядя смерти в лицо, мужчина может лнуть к женщине, как будто он лнет к жизни...

И только жена ни о чем не догадывается.

Морозный воздух приглушал вонь с реки. Дойдя до пристани, он извлек из-под мундира сувенир покойного, испачканный и грязный, как и его последняя связь. Он бросил шарф в темную воду. Какое-то время белая ткань плыла по поверхности, легкая, как перышко. Потом она ушла под воду.

Он исполнил свой долг, и больше не стоит об этом думать.

Он развернулся, собираясь вернуться во дворец. Сердце невольно сжалось от сочувствия к леди Валери. Лучше пусть герцог поскорее выдаст ее за человека, который наградит ее детьми и заставит ее забыть прошлое...

Он надеялся, что ее новый муж окажется добрее Скаргилла.

Глава 3

Валери поселилась при дворе королевы Констанцы в Савойском дворце. Шли дни, а она почти не видела Констанцу, или Ла Рейну, как называли королеву согласно ее предпочтению. Начался Великий пост, и королева почти все дни проводила либо на коленях в своей часовне, либо в постели.

«Короля» Кастилии Валери не видела вовсе. Ланкастер не жалел денег на то, чтобы его супруга обустроила двор в соответствии со своим положением.

А потом начали прибывать подарки.

Неделю за неделей к дверям покоев Ла Рейны приходил управляющий королевской гардеробной и передавал Валери очередное сокровище, предназначенное для королевы Кастилии. Парча, затканная золотом. Диадемы с изумрудами и рубинами. Пригоршни жемчуга – его было столько, что хватило бы на несколько ведер. Из жемчуга изготавливали пуговицы, его нашивали на платья, украшали им прически.

Заботам Валери поручили богатство, о каком она прежде не имела представления. Она показывала сокровища королеве, говоря, что ее супруг в доказательство своего почтения посылает очередной подарок. И всякий раз та отворачивалась, произнеся на своем языке несколько слов.

Валери успела выучить кое-что из испанского и понимала, что говорит королева: «Единственный подарок, который я хочу, – Кастилия».

При первой встрече связь Валери с Кастилией растрогала королеву. Однако ее происхождение не играло никакой роли для кастильских фрейлин. Те вовсе не радовались тому, что к свите добавили еще одну англичанку. Кастильские дамы не только не говорили по-английски, они совершенно не желали ничего знать об Англии. В результате Валери не слышала ни придворных новостей, ни сплетен.

Их с леди Кэтрин откровенно игнорировали, поэтому они тянулись друг к другу. Приближенные королевы не приглашали их послушать музыку или повышивать вместе с ними. А всякий раз, когда англичанки входили в зал, кастильские дамы смыкались вокруг королевы, как будто желали защитить ее от опасности.

– Неужели они думают, будто я собираюсь украсть ее ребенка? – буркнула Кэтрин как-то вечером, когда они сидели в отведенных им комнатах у камина. – Мне и своих хватает.

Валери вздрогнула. Может быть, зависть кастильские дамы разглядели в ней самой. К концу февраля уже невозможно было не заметить, что королева ждет ребенка. Сразу после приезда ее фигуру маскировали просторные платья и накидки, но в отдельных покоях она не скрывала своего положения. И Валери, которая никогда еще не носила под сердцем ребенка, испытывала греховную зависть.

Господь наградил плодовитостью и Констанцу, и Кэтрин. Где же ее дети? Неужели Господь ее покинул? А может быть, с другим мужем все будет иначе?

– Королева и ее фрейлины одни в чужой стране, – ответила она вслух, не сомневаясь, что и сама испытывала бы то же самое, если бы ей пришлось жить в далеких краях. – Скорее всего, в этом источник их страха, а вовсе не в нас.

– Я не считаю королеву боязливой, – негромко возразила Кэтрин.

Валери невольно с ней согласилась. Когда королева вставала с постели, она ходила с прямой спиной и ясным взглядом, а приказы, которые она раздавала своим приближенным, не позволяли усомниться: Констанца уверена в своем титуле, в своем статусе – здесь и в Кастилии.

– Но все ее дамы как будто злятся на нас, – ответила Валери. – Несмотря на все наши улыбки и попытки умиловить их, они ни разу даже не кивнули в ответ. Может быть, королева недовольна нашей службой? Что, если она пожалуется герцогу?

Кэтрин безмятежно улыбнулась.

– Не беспокойся. Ему все известно.

Как будто он знал Кэтрин так хорошо, что... Дальше Валери предпочитала не думать.

– Ты состояла в свите его первой жены. Он ценит тебя по достоинству. А обо мне ничего не знает.

Кэтрин приобняла ее.

– Я не позволю этой женщине принизить тебя.

Может быть, подумала Валери. Но кастильский двор в изгнании – все, что стоит между нею и новым замужеством. Если королева решит от нее избавиться, пути назад уже не будет.

В дверь постучали; вошел паж.

– Леди Валери, королева требует вас к себе.

Она встала, не зная, радоваться ей или бояться.

– Сейчас. Позволь мне... – Кэтрин заправила подруге выбившуюся из-под вуали прядь волос. – Теперь ты выглядишь очень мило. Иди. Узнай, чего она хочет.

Валери следом за пажом отправилась в покои королевы.

Королева Констанца, или Ла Рейна, сидела в кресле, похожем на трон. На ней был головной убор, подобного которому Валери еще не видела при английском дворе. Расшитый бисером, он плотно облегал голову и заканчивался остроконечным выступом в середине лба. Шапочка скрывала волосы; но глаза казались огромными.

Сбоку от королевы стоял священник, служивший при ней переводчиком.

Валери сделала реверанс и стала ждать. Она услышала шепот.

– Вы вдова, – сказал наконец священник.

Она коснулась своего черного головного убора.

– Да, ваше величество. Мой муж погиб, служа вашему супругу.

Послышался шепот, и священник снова заговорил:

– Ла Рейна еще скорбит по своему отцу. Она понимает вашу боль.

Валери склонила голову и негромко поблагодарила королеву, мысленно взмолившись, чтобы та никогда не поняла, какие чувства она на самом деле испытывает по поводу гибели мужа.

Последовало долгое молчание. Оно стало неловким.

Королеве с трудом удавалось сидеть с прямой спиной; было очевидно, что вынашивать наследника ей непросто. Валери знала о ее недомоганиях: среди прочего, Констанца страдала от кровоточивости десен, болей в горле и желудке. Поскольку Валери стояла очень близко, она почувствовала, как королева освободилась от газов.

– Я еще не имела случая поздравить ваше величество, – поспешно продолжила она. – С тем, что вы скоро станете матерью.

Королева улыбнулась; такой радостной Валери ее еще не видела. Нет, на ее лице проступила не просто радость, а почти небесное блаженство.

Священник перевел:

– Да, хвала Всевышнему. Когда мы вернемся в Кастилию, у нас будет сын. Мой отец будет отомщен.

– Да упокоится он с миром, – пробормотала Валери, низко склонив голову.

Короля Кастилии убил его сводный брат; теперь он занимал трон, который по праву должен был принадлежать Констанце.

Вдруг королева коснулась головы Валери и что-то быстро сказала священнику. Тот перевел:

– Ла Рейна закажет сто месс за упокой души вашего мужа.

– Сто?! – Валери заплатила четыре пенса за заупокойную службу по Скаргиллу и, по правде говоря, считала, что она потратила бы деньги с большим толком, если бы заплатила их за починку прохудившейся крыши амбара.

Она поспешно прочла молитву, чтобы ее простили за столь греховные мысли. Скаргиллу очень понадобятся молитвы, если он хочет выйти из чистилища и упокоиться с миром; хотя она подозревала, что после смерти он встретил много родственных душ, которые, как и он, ждут очищения, прежде чем их возьмут на небо.

Она сделала глубокий реверанс и снова склонила голову.

– Великодушие ее величества безмерно! – За сто месс она могла бы купить лошадь и коляску. – Если есть услуга, которую я могу ей оказать, я с радостью это сделаю.

На губах королевы появилась улыбка еще до того, как священник перевел слова Валери. Может быть, она понимала по-английски лучше, чем казалось. Или, скорее всего, изъявление почтительности и благодарности у нее в стране такие же, как и здесь.

Снова шепот – и затем Валери услышала перевод:

– Здесь вам понадобилось много выдержки. Должно быть, вы хотите поскорее вернуться домой. Ла Рейна вас не задерживает. Она лишь просит, чтобы вы по-прежнему молились за победу в Кастилии. Встаньте. Ступайте с Богом.

Ее прогоняют!

И слово «домой»...

Как ей хотелось поскорее вернуться в родной Кент! Если бы ей в самом деле позволили уехать домой! Но нет, скоро ее снова выдадут замуж, заставив подчиниться новому мужу, неизвестному злу, которое может оказаться еще хуже предыдущего.

И если королева угадала, как ей хочется уехать домой, придется убедить ее, что она ничего так не желает, как по-прежнему служить ей.

– Ваше величество, я так надеялась служить вам – по крайней мере, до тех пор, пока не родится ребенок, – поспешно произнесла Валери. Интересно, когда должен появиться на свет наследник?

Переводчик нахмурился.

– У Ла Рейны много придворных дам.

– Однако никто, кроме нас с леди Кэтрин, не знает здешних обычаев и здешнего языка. Констанца поморщилась, как будто съела лимон.

– Тогда вы, – сказала она, глядя на Валери в упор.

Ага! Значит, она не ошиблась и королева не любит Кэтрин. Скорее всего, считает, что Кэтрин в первую очередь служит Ланкастеру и лишь во вторую – ей. Как бы там ни было, в интересах Валери беспрекословно исполнять приказы королевы.

Валери коснулась броши своей прабабки, словно напоминая об их прошлом разговоре.

– Ваше величество, как вам известно, во мне течет кастильская кровь. – Во всяком случае, так ей говорили. – Буду счастлива служить Ла Рейне, когда она снова объединит две великих страны: Кастилию и Англию.

Она молча ждала, пока священник переводил ее слова. Если королева нахмурится и сдвинет брови, значит, она относится к ней не лучше, чем к Кэтрин.

Королева внимательно разглядывала ее. Валери заставляла себя стоять с широко раскрытыми глазами и с надеждой улыбалась.

Наконец королева кивнула и пробормотала несколько слов.

– До Пасхи. А там посмотрим, – сказал священник.

Всего несколько недель... Что ж, она благодарна и за такую короткую передышку.

– Постараюсь служить вашему величеству хорошо!

Самое важное для Констанцы – ее ребенок и ее родина. Значит, теперь они станут главными заботами и для Валери.

В противном случае ее ждет безымянный муж, который будет решать за нее, что важно, а что нет. А пока... Валери могла понять тоску по ребенку. И по родине.

Она поклонилась, поблагодарила королеву и вышла, снова гадая, кого Ланкастер выберет ей в мужа. Вдруг, непонятно почему, она вспомнила лицо сэра Гила. Какое потрясение он испытал, когда она сказала, что шелковый шарф принадлежит не ей! Он понял, что Скаргилл ей изменял! В его суровых голубых глазах она прочла намек на сочувствие...

Странно, что этот закаленный в боях воин ожидал супружеской верности от своего соратника. Еще более удивительно, что он думал, будто она ожидала верности от мужа.

Несмотря на многочисленные торжественные заявления о рыцарстве, брак являлся просто сделкой, где страсти было не больше, чем при покупке муки на базаре. То, что верно для королевы Кастилии, верно и для леди Валери из Флорема.

Она прекрасно понимала то, чего не понимал сэр Гилберт Волфорд.

До марта, когда Ланкастер послал Гила в покои королевы за леди Кэтрин, он не разрешал себе вспоминать о леди Валери.

За последние недели он редко видел ее. Дворец был большим, свита королевы держалась уединенно, а его больше, чем вдова Скаргилла, занимали корабли, которые должны были переправить войска через Ла-Манш.

И все же она постоянно присутствовала в его мыслях. Интересно, нашел ли ей герцог нового мужа? К своему удивлению, Гил понял: он надеялся, что Ланкастер подберет для нее человека более благородного, чем Скаргилл.

Хотя он вошел на половину королевы, чтобы вызвать леди Кэтрин, его внимание сразу же привлекла Валери. По-прежнему в трауре, она тихо сидела в углу зала, опустив глаза. Она казалась воплощением скромности и сдержанности.

– Дамы... – Он поклонился, надеясь, что Валери поднимет голову. – Монсеньор Испании просит леди Кэтрин пожаловать к нему, чтобы переговорить о его детях.

Услышав его слова, леди Кэтрин подняла голову и просияла.

– Да, разумеется! – Она встала и поспешила прочь, не дожидаясь, пока он последует за ней.

На какое-то время Гил и леди Валери остались одни. Оба молчали.

Ему тоже следовало выйти. У него не было никаких причин задерживаться. Но ее упрямое нежелание смотреть на него показалось ему вызовом. Неужели кто-то рассказал ей о его прошлом? Или она по-прежнему винит его в гибели мужа?

Тишину нарушал лишь стрекот и свист черно-белой птицы, которая сидела в клетке в солнечном углу зала.

Валери резко вскинула голову; когда их взгляды встретились, он снова мельком заметил, что она многое скрывает, хотя он и не понимал, что именно. Гнев? Страх?

Она встала и мимо него направилась к двери.

– Подождите! – Он положил руку ей на плечо.

Она неуверенно скосила глаза на его руку, как будто не знала, хочет ли он ударить или приласкать ее. Когда она снова подняла на него взгляд, ее лицо стало непроницаемым.

– В чем дело? Или вам приказали позвать и меня?

Значит, она все же злится. На него.

Он поспешно убрал руку. Что на него нашло? Почему он вдруг схватил ее? Неужели дурную кровь невозможно победить, несмотря на многолетние усилия?

Он сделал шаг назад.

– Я... не виноват в том, что муж вам изменял. – Тем не менее Гил чувствовал себя в ответе.

Она пожала плечами.

– Таковы все мужчины... все браки.

– Нет, не все. Брак Ланкастера и леди Бланш... – Он не договорил, ведь все знали, что любовь герцога к первой жене вошла в историю, сам Чосер писал о ней стихи.

– Да, так мне рассказывали. – Леди Валери вздохнула. – Но второй его брак... – Она пожала плечами.

Да, теперь у герцога новая жена, к которой он, похоже, вовсе не испытывает такой преданности.

Валери вдруг опомнилась и поспешно приложила пальцы к губам, словно хотела взять свои слова назад.

– Я вовсе не имела в виду, что монсеньор Испании... что он... – Она покосилась в ту сторону, куда удалилась леди Кэтрин, а затем наконец посмотрела ему в глаза.

Они без слов задали друг другу один и тот же вопрос. Неужели... Возможно ли?... Неужели леди Кэтрин вызвали, потому что?..

– Нет, конечно нет, – сказал он вслух, понимая: о таком лучше даже не думать, на такое лучше не намекать.

Ни один из них не отвернулся. Однако оба по-прежнему молчали. И прежде чем он сумел остановить ход своих мыслей, между ними пробежала искра. Он задышал чаще, пульс у него забился быстрее. Он больше не думал о том, что делает герцог. Он представлял себя и Валери вместе...

Она прищурилась, отступила назад и зашагала по комнате, как будто пыталась убежать от того, что только что промелькнуло между ними.

– Я лишь хотела сказать, – заговорила она, не глядя на него, – что его величество последнее время очень занят и мы не видим его в покоях королевы.

Он тоже попытался все отрицать, на словах и с помощью жестов.

– Да и королева не покидает своих покоев.

– Потому что она ждет ребенка, – ответила Валери, не останавливаясь. – Ей тяжело.

– Это правда, – кивнул Гил, удивляясь тому, что его язык еще способен произносить слова. – Герцог понимает, что ей необходим отдых.

Теперь, когда Валери оказалась на безопасном от него расстоянии и больше не смотрела ему в глаза, он снова мог ясно мыслить. Тишину заполнило стрекотание ручной сороки; оно напоминало смех. Неожиданное желание притупилось; его сменило более безопасное чувство – гнев. Как она смела намекнуть, что его повелитель ведет себя не как образцовый рыцарь?

– Он шлет ей подарки, – напомнил он вслух. – Украшения.

Услышав последнее слово, Валери остановилась. Замолчала и птица, словно ожидая ее ответа. Очутившись на другом конце зала, Валери наконец подняла голову, и их взгляды снова встретились.

– По-вашему, – тихо заговорила она, – королеве нужны жемчуг и золото?

Вспомнив, с каким презрением Констанца отмахнулась от подаренного ей золотого кубка, Гил решил, что драгоценности ей и вправду не нужны.

– Чего же она хочет?

– Вернуться на родину. – Ее взгляд переместился на окно, как будто ее тоже тянуло прочь отсюда. – Домой.

Домой. В Кастилию!

– Ланкастер хочет того же. – В последнем он несколько не сомневался. – Как и я. Мы собираем войска, лошадей и корабли, разрабатываем план возвращения.

– Когда? – Своим простым вопросом она бросала ему вызов.

О том же и он спрашивал герцога. Сначала они ждали возвращения посольства, отправленного в Португалию, а теперь – встречи кардиналов с королем из династии Валуа.

– Вести войну непросто, – хрипло заговорил он, невольно выдавая собственную досаду.

Точнее, все проще на поле боя, где знаешь: ты должен убивать, иначе убьют тебя. Но сейчас все зашло слишком далеко – да, его терпение на пределе. Герцог по-прежнему не давал согласия на его план. И не назначил полководца.

– Для Ла Рейны тоже все непросто, однако она сделала то, о чем ее просил герцог. Она вышла за него замуж и подарила право притязания на престол. Теперь она ждет его наследника. Когда же он выполнит данное ей слово? – пылко спрашивала Валери, как будто Ланкастер обманул не королеву, а ее саму.

Возможно, ей проще говорить о желаниях королевы, чем о своих собственных. Гилу казалось, что он ее понимает. Он разделял горечь разочарования из-за того, что экспедиция все время откладывалась. Однако он не имел права осуждать своего повелителя, особенно из-за того, что ему неподвластно.

– На все требуется время.

Бессмысленные слова, которые заменяли все, чего он не мог сказать. Королю Эдуарду тоже требуются люди, лошади и корабли, потому что он намерен отправиться во Францию. У герцога хватает средств на свою экспедицию, но последнее слово по-прежнему остается за парламентом...

Валери возвела глаза к небу и покачала головой.

– Ваша война – дело вашей жизни. Не говорите, что вы и монсеньор Испании не знаете, как ее надо вести.

Да, война в самом деле его жизнь, его путь к искуплению. Она же распекает его, как какого-нибудь неопытного оруженосца!

– Вы высказались вполне ясно, леди Валери. – Неужели перед ним та самая скромница, которая все время смотрела в пол и не открывала рта? – Вы скоро поймете, что нет человека, более преданного своему долгу, чем я. И никто, даже монсеньор Испании, не предан так делу Кастилии.

Неожиданно она смутилась.

– Простите меня! Не мое дело говорить такие вещи.

– Да, потому что вам не доводилось командовать войсками... – Ее внезапная покорность злила его куда больше, чем ее замечания. – Вы ничего не знаете о Кастилии.

Она подняла голову.

– Почти ничего. Но я часто думала о ней. Какая она? – В ее голосе уже не слышалось ни гнева, ни страха. Только любопытство.

Прошло пять лет, но Кастилия по-прежнему занимала важное место в его душе. Вспоминая ее, Гил думал не о марш-броске через заснеженные горы, не о победе в весеннем сражении и даже не о похвалах Ланкастера, который назвал его человеком, «которому наплевать на собственную смерть».

Он думал о королевском дворце Алькасар.

Отец королевы Констанцы жил не в тесном, темном замке. Ему не по душе были здания из глыб холодного камня, призванные лишь отпугнуть врага в битве. Нет, камни Алькасара были резными, как кружево. Залы выходили во внутренние дворики, которые снова сменялись комнатами, пока казалось, что нет разницы, где находиться – внутри или снаружи. Гил стоял под безоблачным голубым небом и слушал успокаивающее журчание фонтанов. Куда ни кинь взгляд, все полы, стены и даже потолки были покрыты узорчатыми изразцами, которые служили одной-единственной цели: радовать глаз. Красные, белые, синие, желтые – они складывались в причудливые изображения.

В них не было ничего знакомого. Ничто не напоминало об Англии... и о тайнах, зарытых в земле.

Там он испытывал только покой. Покой, который он уже не надеялся обрести.

Покой, который ему не терпелось ощутить вновь. Позволительно ли мужчине обращать внимание на фонтаны или разноцветные изразцы? Он должен рассказать ей о вторжении. О том, что помнит человек по прозвищу Эль Лобо.

Ибо его послали туда, во дворец, чтобы забрать обещанную королем Кастилии плату. Правда, король так и не заплатил. Чтобы отдать долг, он поручил заботам англичан обеих своих дочерей.

Интересно, поведала ли Констанца Валери эту часть истории.

– Там был мороз. Потом стало жарко... А потом принц заболел.

Старший брат Ланкастера, наследник английского престола, слег с дизентерией. Прошло почти три года, а он так и не оправился окончательно. Многие сомневались в том, что он когда-нибудь выздоровеет.

Услышав его откровенные слова, она ненадолго зажмурилась.

– Я думала, что климат там мягче.

– Вам так говорит королева? – Несомненно, Констанца смотрит на свою родину глазами ребенка.

Валери покачала головой.

– Так рассказывали в моей семье, передавали из поколения в поколение. Мне говорили, что Кастилия – страна жаркого солнца и безоблачного неба.

– В вашей семье? Не знал, что вы родом из Кастилии.

Она покачала головой.

– Не совсем, но, когда Элеонора Кастильская приехала в Англию, чтобы выйти замуж за Эдуарда I, она привезла с собой фрейлин, совсем как сейчас Констанца. Многие из спутниц Элеоноры, в том числе моя прабабка, вышли замуж за английских рыцарей.

– Значит, вам не терпится увидеть Кастилию наяву? – оживился он.

Валери задумчиво склонила голову; судя по всему, прежде она никогда об этом не думала.

– Пока монсеньор Испании не займет там трон, не имеет значения, хочу я побывать в Кастилии или нет.

Ее слова, хотя произнесенные негромко, показались ему брошенной перчаткой, вызовом.

Да, она права. Вся его тоска не имеет цены, пока английские солдаты не высадутся на континенте. До тех пор желание вернуться в покой Алькасара – не более чем обещание, данное самому себе.

– Все, кто служит монсеньору Испании, осознают свой долг. Перед ним, перед его королевой и его наследником. Мы завоюем Кастилию! И удержим ее.

Нет. Это не просто обещание. Это обет.

Глава 4

В следующий раз, когда Ланкастер вызвал его к себе, Гил снова увидел перед собой воина, полного сил и внимания.

«Наконец-то! Он поручит мне возглавить вторжение».

По какой-то причине ему захотелось поделиться новостью с леди Валери.

Он был так уверен, что время настало, что не сразу понял слова Ланкастера, обращенные к нему.

– Нам нужно больше кораблей... – начал герцог.

– Больше? – В последний раз, когда он оценивал ситуацию, у них были готовы и корабли, и войска и они ждали лишь известия от послов, чтобы уточнить маршрут. – Зачем? Неужели португальцы отказались от союза с нами? – Если так, им действительно понадобится больше кораблей для лобовой атаки.

– Не для Кастилии. Мой отец, король, посылает Пембрука снять осаду во Франции.

Эдуард, отец Ланкастера, – владыка всей Британии. Его желания превыше всего. Гил, которому стало не по себе, снова мысленно сосчитал, сколько у них людей.

– Вы намерены отвлечь наших людей ради его усилий?

– Нет, – ответил герцог недвусмысленно, как и рассчитывал Гил. – Пембрук возьмет с собой небольшой отряд и золото. Остальных солдат он наймет, когда высадится в Бретани. Оттуда они пойдут через Аквитанию...

Гил слушал, не перебивая, но каждое слово Ланкастера отзывалось горечью в его ушах. Франция принадлежала Плантагенетам еще прежде Англии. Они не могли допустить, чтобы сейчас ее отобрали.

– Мы ждем известий из Португалии, – заключил Ланкастер. – Так что новые планы не задержат нашу экспедицию.

Молчание Португалии, другие набеги, которые распыляют корабли и силы... Гил все больше терял терпение. Но командир должен знать, когда лучше наступать, а когда придержать силы. Когда они доберутся до Кастилии, недели досады будут забыты.

– Завтра же я уезжаю в Лосфорд, – заверил он.

Лосфорд, сторожевой замок на английском побережье, был местом, где он много лет назад учился быть рыцарем. В гавани неподалеку от замка он рассчитывал найти судовладельцев, которые рады будут получить лишние монеты за то, чтобы переправить солдат и лошадей через Ла-Манш. Пригодятся небольшие рыболовные суда и даже суда помельче.

На плечо ему легла рука.

– Но вначале кое-что еще.

Он снова преисполнился надеждой.

– Все, что угодно!

«Наконец-то! Глава кастильских рыцарей...»

– Ты должен жениться.

– Что?! – Гил покачал головой.

Должно быть, он ослышался. Они ведь говорили о войне, а не о свадьбах.

Но Ланкастер упрямо повторил:

– Жениться. Ты должен жениться.

– Конечно, милорд. – Как можно думать о женитьбе, когда на чаше весов лежит Кастилия? – Когда-нибудь я непременно женюсь. Сейчас не время...

– Ты должен жениться сейчас. До того, как... – Герцог не договорил.

До того, как он снова возьмет в руки оружие. До того, как ему будет грозить смерть.

– Милорд, со свадьбой можно подождать.

Ланкастер покачал головой.

– Ты ждал дольше большинства. Ты ведь хочешь жениться?

Гил никогда не задумывался о будущем, хотя и не сомневался в том, что он тоже когда-нибудь женится. Все мужчины вступают в брак. Но для него семейная жизнь пока была недосягаемой мечтой. Он не собирался жениться, пока его достижения не засияют так ярко, что заставят всех забыть мрак, которым окутана фамилия Бруэнов, его предков по материнской линии.

Представляя себе будущее, он смутно думал о том, как все будут почитать и уважать его. Он поселится в Кастилии и однажды присмотрит особенную женщину, которая станет ему так же дорога, как для герцога его первая жена.

Глупые мечты! И все же он не сомневался: когда он станет тем, кем хочет быть, появится и женщина, которую он назовет своей женой.

– Да, ваше величество... хочу. Когда настанет время.

– А дети? Хочешь ты детей?

Он хотел сына. Хотел так же сильно, как голодающий хочет хлеба.

– Когда захватим Кастилию, милорд. – Когда он сможет вернуться в сады Алькасара, на сей раз как человек, которому там место. – Тогда – с радостью.

Герцог покачал головой.

– Нет, так долго ждать нельзя. Если что-то случится со мной, королева родит наследника, который сядет на трон. Если мы потеряем моего брата, его сын сядет на трон моего отца. Если что-то случится с тобой...

Смерть может настигнуть его в любой момент. Сегодня. Завтра. Он может умереть от несчастного случая или от болезни. Во Франции с таким же успехом, как и в Кастилии.

Ланкастер стал отцом четырех сыновей, а выжил из них только один. Так что герцог прекрасно понимал, насколько скоротечна жизнь. Гил тоже это знал, но почему-то верил, что смерть его не настигнет, пока он не обелит фамилию Бруэн.

Герцог откашлялся.

– Избранный мною военачальник должен думать о будущем.

Неужели условием его назначения является брак?

– Кто? – с трудом спросил Гил, наконец решив проверить свои предположения. – На ком я, по-вашему, должен жениться?

Гил никогда не думал о том, как должна выглядеть его будущая жена. О сыне с такими же голубыми глазами, как у него, он думал часто и так подробно представлял его себе, словно мальчик уже существовал в действительности. Но кто та женщина, которая будет согревать ему постель и просыпаться рядом с ним день за днем в грядущие годы? Об этом он не имел ни малейшего понятия.

Перед ним вдруг мелькнуло лицо Валери. Почему он сейчас подумал о ней?

– Я выбрал, – произнес герцог, – леди Валери.

Сердце у Гила снова забилося чаще. Неужели герцог прочитал его мысли?

Но он вовсе не хотел такую жену. Да, возможно, Валери разделяла его страсть к Кастилии, но, судя по тем словам, какими они обменялись, он не считал, будто они подходят друг другу. Упрямая, своевольная... Он всегда думал, что его жена будет... другой. Например, она не станет напоминать ему о его неудачах.

– Но мы сейчас ведем войну. Королю нужны корабли. Сейчас нет времени...

– Времени на то, чтобы уложить ее в постель, тебе хватит, – с мрачной улыбкой произнес человек, успевший уложить жену в постель где-то между Францией и побережьем Англии.

Кровь у Гила закипела, тело напряглось, как будто внезапно его освободили от обета. Он узнает, какого цвета у нее волосы, погладит нежную кожу у нее на плече... как все это соблазнительно!

– Но мой долг по отношению к вам, к Кастилии... Ланкастер взмахнул рукой.

– Твоя женитьба ничего не изменит. – Потом он как будто что-то вспомнил, и его лицо омрачилось. – Для меня не изменило. Во всяком случае, в этот раз.

Но Гил хотел перемен. Ему нужны были перемены. Если он женится сейчас, ему нечего будет предложить жене, кроме того дома, откуда он бежал без оглядки.

– Неужели нельзя подождать со свадьбой, пока мы не вернем Кастилию?

– Я сказал, что это ничего не изменит, – повторил Ланкастер, – но перемены наступят, Гил, как наступают для всех мужчин, хочешь ты того или нет. – Воспоминания и сожаление проступили на лице герцога. – Вот почему ты должен жениться сейчас. – Его слова были вескими, окончательными. Они не допускали возражений.

– А она... хочет? – с трудом спросил Гил. Его вопрос привел герцога в замешательство.

– Она женщина. И сделает так, как я велю.

И Гил тоже. Ни ему, ни его будущей супруге не придется ничего решать самим. Конечно, любой из них может отказаться от брака у дверей церкви, но церковь управляет жизнью после смерти. Ланкастер, монсеньор Испании, управляет их жизнью на земле – и ее, и его. Их отношения со своим повелителем превратились в вереницу согласий и обещаний. Одни из них написаны на пергаменте, другие в сердце, но все связи основаны на чести, крепкой, как железо. Их обеты нерушимы.

Особенно если Гил хочет стать тем, кем он хочет стать.

Но его истинный вопрос так и остался без ответа. «Захочет ли она меня? Возьмет ли она в мужа Бруэна?»

Он спросил по-другому:

– А ее родственники... согласны?

– У нее не осталось близких родственников. И детей от Скарбилла нет, так что никто не станет конкурировать с теми, которых подаришь ей ты.

Он молча кивнул, поняв, почему герцог решил, что она станет для него хорошей партией. У нее не осталось родни. Никто не будет против.

– Она сказала... – начал Гил, – что ее прабабка служила Элеоноре Кастильской.

– Да, – кивнул герцог. – И на протяжении нескольких поколений ее семья оставалась незапятнанной.

Гил стиснул зубы. Ему нелегко было признать, что безупречная репутация жены нужна ему больше, чем все богатства мира.

Решив, что молчание – знак согласия, герцог продолжал:

– Ее приданое – клочок земли, который много лет назад подарили ее предкам. Но сейчас земля официально находится во владениях Скарбилла, а он умер в долгах. Я распоряжусь, чтобы вместо земли ей выплатили вдовью долю.

Герцог имеет право на такие вещи.

– Она уже знает... о вашем решении?

Герцог улыбнулся.

– Я подумал, что ты сам передашь ей хорошую новость.

Гил сомневался, что Валери сочтет новость такой уж хорошей.

– Завтра я уезжаю в Лосфорд. Когда я вернусь...

– Нет. Сейчас! Ты скажешь ей обо всем до отъезда. Гил вздохнул. Может быть, подумал он, фортуна ему улыбнулась. Он поклонился и вышел. Какой бы своевольной она ни была, он надеялся, что она ему не откажет.

– Сэр Гилберт просит вас выйти к нему.

Валери огляделась по сторонам. Шепот пажа был слышен только ей. Королева спала, а другие дамы, как всегда, подчеркнуто игнорировали англичанку.

Никто ее не хватится.

Она отложила в сторону ненавистное вышивание и следом за пажом вышла в приемную, стараясь не краснеть при воспоминании об их последней встрече. Все ее предыдущие разговоры с сэром Гилбертом были неприятными. Что снова привело его к ней? Может быть, он хочет предупредить ее против сплетен о леди Кэтрин и монсеньоре Испании? Не нужно. Пустая болтовня лишь навредит Кэтрин и королеве.

Мрачная складка его губ не успокоила ее. Его прозвали Кастильским волком. Сегодня он в самом деле был похож на волка. Что бы он ни собирался ей сказать, едва ли это что-то хорошее.

Она вспомнила легенду: «Если волк увидит человека до того, как человек увидит волка, человек лишится голоса. Если человек увидит волка первым, волк больше не сможет быть лютым».

Судя по всему, он увидел ее первым.

Она подошла к нему, и он сухо поклонился.

– Я должен поговорить с вами наедине. Давайте пройдемся.

Валери жестом отпустила пажа и последовала за сэром Гилбертом в коридор. Он шагал шире, чем она; ей пришлось почти бежать, чтобы поспевать за ним, и все равно она отставала.

Наконец, по-прежнему с мрачным видом, он повернулся к ней.

Она остановилась чуть поодаль и ответила ему таким же взглядом.

– У меня не такие длинные ноги, как у вас!

Какая-то тень мелькнула у него на лице, как будто она его пристыдила.

Она снова забежала вперед, говорила так, словно имела право ему возражать. Закричит ли он на нее? Поднимет ли на нее руку? Нет. У него нет прав мужа. Она в безопасности.

Он жестом указал на нишу с каменным сиденьем.

– Тогда сядьте.

Валери села. В коридоре, вдали от ближайшего камина, было пусто, а камень охлаждал даже через ее шерстяное платье.

Сэр Гил не сел, а навис над ней; широкие плечи загораживали сквозняк от окна. Он показался ей еще более устрашающим, чем всегда. Она снова отважилась поднять на него глаза. Он смотрел на нее, как будто она была неприятельской армией на поле боя.

Ей хотелось отвести глаза, взглянуть на безоблачное небо, понять, будет ли дождь, смотреть куда угодно, только не ему в лицо. И все же она напустила на себя хладнокровие и ждала, что он скажет.

Он начал без всяких вступлений:

– Герцог приказал мне жениться на вас. – Он говорил прямо и без всякого чувства. Однако его слова потрясли ее, как будто он проткнул ее мечом. Исчезли все надежды на независимую жизнь, даже на несколько недель передышки.

– Но я служу королеве... – с трудом ответила Валери, как будто это могло ее спасти. – Она просила меня остаться...

– И вы останетесь в ее свите, пока она того желает.

Только до Пасхи, предупредила Ла Рейна. Кроме того, в Великий пост жениться нельзя. А потом? Она снова окажется в зависимости от мужчины.

Валери помолчала, позволяя себе свыкнуться с мыслью. Она не должна ожидать самого худшего. Сейчас собирают войска и корабли, чтобы плыть в Кастилию. У стоящего перед ней человека много других обязанностей и нет времени, чтобы устраиваться в новом доме.

– Значит, мы считаемся помолвленными... На какое-то время.

– Нет. – Его лицо оставалось мрачным, как будто он видел не больше радости в их браке, чем она. – Мы должны пожениться до того, как я отплыву в Кастилию.

Тем не менее она пока не услышала, когда именно они поженятся. Сколько у нее есть времени? Несколько недель? Несколько дней? Может, у нее осталось всего несколько часов свободы?

– Когда? Когда состоится наша свадьба?

Сколько у нее еще дней, когда она будет сама себе хозяйкой?

– Через несколько недель. Война приближается. Очевидно, этот мужчина еще ни разу не был женат. Он понятия не имел о том, что ждет их впереди.

– Но ведь необходимо сделать оглашение...

– Ланкастер обо всем позаботится.

Теперь она поняла. Спорить бесполезно. И откладывать тоже нельзя. Решение уже принято. От нее снова ничего не зависело – ведь власть принадлежит мужчинам. С застывшей улыбкой на губах она встретила с ним взглядом и пробормотала те слова, которые он, должно быть, от нее ждал:

– Конечно, для меня это большая честь, и я постараюсь угодить вам, насколько возможно...

Ее ответ привел его в замешательство.

– Вы станете моей женой? – неуверенно спросил он.

Ей хотелось закричать: «Нет!» Они с сэром Гилом едва знакомы. Какой он – жестокий или добрый? Богат он или у него есть только кольчуга?

И все же сейчас важнее другое: что известно ему.

Он стал невольным виновником и свидетелем ее унижения. Ему известно, что муж изменял ей с другой женщиной. Он привез грязное и мятое доказательство ее несостоятельности как жены...

Вдруг она вспомнила, что ей снова придется угодить мужу, и к ней вернулись знакомые страхи. Будет ли он, как Скаргилл, бранить ее за слишком маленькую грудь и слишком узкие бедра? Возненавидит ли и он самый звук ее голоса и будет ли постоянно приказывать ей заткнуться?

И хотя она не сомневалась, что и этот мужчина когда-нибудь начнет искать другую, плохо, если она не понравится ему с первой же ночи, когда он ляжет к ней в постель. Он заранее знает, что она оказалась недостаточно хороша для первого мужа.

И все же он спросил о ее согласии. Вопрос прозвучал неловко, но показался на удивление добрым. Как будто он притворился, что выбор все же остается за ней. Неужели он не понимает, что ей не дано выбирать? Она всегда хорошо понимала одно. Ни одна женщина не имеет права отказываться от брака.

Поэтому, высоко подняв голову и делано улыбаясь, она кивнула:

– Да. Я выйду за вас замуж.

«Я выйду за вас замуж». Ее слов достаточно, чтобы удовлетворить церковное право. Это позволит ей называть его мужем.

Он вздохнул, как будто после ее согласия самая тяжелая часть оказалась позади.

– Значит, мы помолвлены. – Однако на его лице застыло неуверенное выражение. – Разве вам больше нечего мне сказать?

Она кашлянула, пряча смех, который угрожал вырваться наружу. Жена не имеет права смеяться над мужем. Особенно если хочет сносного существования. Но ей показалось, что стоящий перед ней мужчина полон противоречий: он по очереди становится суровым, злым, добрым... а теперь он так же не уверен в будущем, как она.

Ей нужно задать важные вопросы о земле и его родственниках, о том, где будут жить, когда поженятся. Правда, сейчас его ответы ничего не значат. Монсеньор Испании обо всем позаботился. Значит, быть по сему. Ей остается лишь склонить голову, прикусить язык и подчиниться его воле.

– Что же дальше?

– У меня есть обязанности перед герцогом, как и у вас перед королевой. Мы продолжим их исполнять.

Валери кивнула так же сухо, как он, но на ее губах заиграла полуулыбка, как будто его ответ ей понравился. Она получала частичную, но сбивающую с толку передышку.

– Но я должна познакомиться с вашими родными, перевезти вещи, устроиться в вашем доме, создать уют... – После того как она вышла за Скаргилла, у нее появилось множество дел: пришлось решать имущественные вопросы, заниматься усадьбой, отводить для него место в доме, который прежде принадлежал только ей...

Все для того, чтобы готовиться к рождению ребенка, которое так и не наступило.

– Ничего не изменится. – Он произнес последние слова как обет, а затем встал, считая разговор оконченным. Неужели он считает, будто все решено?

Ничего не изменится? Сразу видно, что он никогда не был женат, иначе он бы понимал, что изменится все. Или, может быть, для него все действительно останется, как прежде. Только Валери снова придется в корне переиначить свою жизнь, чтобы приспособиться к новому мужу. Если у него нет своего дома, может быть, они проживут во Флореме, как жили они со Скаргиллом. Одна мысль об этом приносила утешение.

– Я сама должна сказать королеве, что выхожу замуж?

Как делаются такие вещи? Ее жизнь всегда была связана с отдаленным имением, а не с королевским двором.

Сэр Гил пожал плечами.

– Может быть, ей сообщит обо всем монсеньор Испании. Я не знаю, как делаются такие вещи.

– Как вам угодно, милорд.

– Не нужно так меня называть.

«Милорд»... Скаргиллу такое обращение нравилось больше остальных.

– Но ведь вы будете моим господином и повелителем.

– Называйте меня как-нибудь иначе.

– Волком? – Она позволила себе улыбнуться. – По-моему, «милорд» все же лучше.

– Отец назвал меня Гилом.

– Гил? – Яркое, сильное имя, его легко произносить. – Значит, быть по сему... Гил.

Он неуклюже кивнул и встал.

– Завтра я еду в Лосфорд по государственным делам. Приготовления к свадьбе обсудим, когда я вернусь. – Исполнив свой долг, он коротко поклонился. – Спокойной ночи, леди Валери.

Сэр Гил выполнил задачу, как будто стряхнул с ладоней грязь. Уже успев отойти на три шага, он услышал ее голос:

– Если уж мне надобно звать вас Гилом, тогда и я – просто Валери!

Он оглянулся и удостоил свою нареченную сухим кивком, как будто всякое вмешательство было болезненным.

Но потом он вернулся к ней, глядя ей в лицо. Забывшись от его взгляда, она встала со скамьи и шагнула в его сторону. Время замедлило свой бег. Ее пульс участился. Они стояли так близко, что она отчетливо видела его губы. Они казались мягче, чем она раньше думала. Один вздох, два, и они сделают еще шаг, коснутся друг друга, и потом...

– Спокойной ночи, Валери.

И он ушел.

«Ничего не изменится».

Хотелось бы ей, чтобы его обещание оказалось правдой.

Глава 5

После того как Гил сказал вдове Скаргилла, что женится на ней, он поклялся себе больше о ней не думать.

Ничего не получалось.

Все два дня, которые ушли на дорогу до Лосфорда, он не думал почти ни о чем, кроме нее.

В прошлом он редко оказывался столь неподготовлен к сражению. С мечом и щитом он чувствовал себя вполне свободно. Ни один человек не назовет его трусом. Он знал, как должен вести себя на войне благородный рыцарь. И готов был научить тому же своего сына.

Значительно труднее оказалось усвоить придворные манеры, искусство ухаживать за благородной дамой. Он все время откладывал изучение этих правил, считая их не важными. И сейчас, когда пришло время просить руки такой дамы, он терялся, не зная, что сказать.

Да, она согласилась стать его женой, хотя Гил не винил бы ее, предпочти она ему кого-то другого. «Но я должна познакомиться с вашими родными», – сказала она, как будто ни в чем не сомневалась и ничего не знала о его прошлом. Она в самом деле не знает, из какой он семьи? Если так, что будет, когда она все же узнает?

Гадать уже поздно. Она дала согласие. Вопрос решен. Он женится на ней и получит сына, о котором давно мечтает.

Что же он оставит ребенку в наследство? Кастилия мерцала перед ним, как далекая звезда. Очутившись в одиночестве, он снова будет вспоминать о разноцветных внутренних двориках, расположенных так далеко от лестерских лесов. Его сын будет расти и воспитываться на жарком солнце, вдали от родины, от мест, где фамилия Бруэн считалась позорной.

Когда впереди над узкой полосой воды, отделяющей Англию от Кале, показались зубчатые стены замка Лосфорд, он немного утешился. В Лосфорде он чувствовал себя дома больше, чем в своем родовом гнезде.

Здесь он сделал первые шаги к искуплению.

Одиноким мальчик из опальной семьи, он стал вначале пажом, а затем оруженосцем графа, одного из самых влиятельных людей в Англии. Прежде чем пасть на поле брани во Франции, граф выковал характер Гила и отточил его навыки.

Посылать гонца не было времени, но стража издала узнала его цвета, и, прежде чем он спешился, во двор выбежали леди Сесили, дочь покойного графа, и ее муж. Они обнялись.

– Как давно тебя не было! – воскликнула Сесили с мягкой укоризной – так могла бы обратиться к нему сестра.

Ее муж, Марк, молча хлопнул его по плечу. Они обменялись быстрыми улыбками воинов.

Прошло восемь лет с тех пор, как Марк после смерти графа продолжил его воспитание и научил новым способам носить щит и наносить удары мечом.

В те дни казалось, будто Англия победила всех своих врагов. Гил был еще молодым неопытным рыцарем и больше всего боялся, что у него не будет случая доказать, чего он стоит в бою. Ложные опасения! Таких возможностей оказалось предостаточно. И за то, что он остался жив, он должен благодарить Марка... и покойного графа.

Его провели в теплый замок, усадили у огня. За толстыми каменными стенами почти не слышны были завывания ветра. Поднесли чашу с вином, угостили жареным ягненком. Он смотрел в лица друзей и понемногу отходил, забыв о тяжелой дороге, грузе прожитых лет и неминусовой войне. Какое-то время он может просто наслаждаться тишиной и гостеприимством.

Интересно, каково это – иметь такую тихую гавань? Будет ли вдова Скаргилла... Валери... улыбаться, увидев его, как улыбается Сесили, когда смотрит на Марка?

– Я так рада тебя видеть! – вывел его из раздумий голос Сесили. – Когда же мы услышим, что ты женишься? – Она выжидательно подняла брови.

Он откашлялся. Ему есть что ответить.

– Герцог на этой неделе подыскал мне жену. – Слово «жена» еще казалось ему странным, непривычным.

– Кто она? – обрадовалась Сесили. – Говори!

– Она вдова. Я почти ничего о ней не знаю, – признался Гил.

Неожиданно до него дошло: скоро он узнает о ней все. Запах ее кожи. Вкус ее губ. Спит ли она на боку или на спине. Правда, об этом ему сейчас совсем не хотелось думать.

Сесили рассмеялась.

– Ты хоть скажи, как ее зовут!

– Валери. Леди Валери, вдова Скаржилл. – Он не впервые произносил ее имя вслух, но только сейчас представил, как часто отныне будет повторять его; и имя, и носящая его женщина теперь связаны с ним навечно.

– Леди Валери из Флорема? – как ему показалось, с радостью переспросила Сесили. – Несколько поколений ее семьи жили в двух днях езды отсюда.

– Ты с ней знакома? – Ему вдруг очень захотелось найти связь между своей невестой и Сесили, к которой он относился как к родной сестре.

Она покачала головой.

– Мы ни разу не виделись, хотя я знаю о ее владениях и о ее семье.

– Ланкастер говорил, что она из благородной семьи.

– Вот именно. – Сесили и Марк переглянулись; судя по всему, они понимали друг друга без слов. – И что она думает о... О твоей семье? – продолжила Сесиль.

– Она не сказала.

Его снова атаковали вопросы. Неужели герцог выбрал ее только потому, что она не может возразить? А может, она просто не знает о давних преступлениях, совершенных далеко от тех мест, где она жила? Если верно последнее, он сам должен ей все рассказать. Но тогда она, скорее всего, откажется выходить за него, он будет свободен...

Гил выпрямился. Его разочарования мелки и не стоят упоминания.

– Я приехал не поэтому. – Он поставил кубок на стол, мгновения покоя и тепла миновали. – Ланкастер готовится отплыть в Кастилию, а король собирает корабли, чтобы снова послать экспедицию во Францию.

Лицо Марка посуровело. Очень быстро он тоже стал воином, готовым к борьбе.

А Сесили? Она не такая, как большинство женщин; при упоминании войны на ее лице не проступил испуг. Лишь грусть, которая быстро прошла.

– Разве не король Эдуард командует всеми армиями?

Сесили слишком долго не жила при дворе. Она не знала, не могла знать, как ослабел король и как часто отсутствует в зале советов.

– Не сомневаюсь, что Ланкастер советуется с его величеством и своим братом по поводу каждого принятого им решения, – слишком быстро ответил Гил.

Можно подумать, армии по-прежнему ведут в бой величайшие воины Англии. Он вздохнул. Его друзья заслуживают того, чтобы знать все.

– По правде говоря, ни король, ни его старший сын не чувствуют себя хорошо. – Это признание трудно ему далось.

Ему показалось или Сесили и Марк в самом деле быстро переглянулись? Какую тайну делят они сейчас?

Сесили выросла в этом замке, получила его в наследство и хранила его для Англии. Именно Лосфорд считался бастионом, призванным остановить любого, кто посмеет пересечь Ла-Манш.

– Лосфорд готов, – сказала она. – Что нужно королю?

– Корабли. Большие и малые суда. Даже рыболовецкие баркасы. Все, что может плавать.

– А люди? – подал голос Марк.

Он попал в Англию как французский заложник и остался из-за любви, обещав королю Эдуарду защищать побережье. Захочет ли он участвовать во вторжении на свою родину? Гил ободряюще взглянул на Марка.

– Нет. Этого мы от тебя не ждем.

Марк вздохнул с облегчением. Они заговорили о другом: сколько кораблей можно раздобыть немедленно, когда будут готовы остальные. Стало ясно, что экспедиция может начаться позже, чем думал король.

– Примите мою благодарность, – сказал наконец Гил. – А также благодарность монсеньора Испании.

– Кого?

Быстро же он привык к жизни при дворе! Ему и в голову не пришло, что указы парламента не так быстро распространяются по острову.

– Герцог Ланкастер принял титул после того, как женился на законной наследнице кастильского трона.

Судя по выражению лица Марка, он считал новый титул Ланкастера довольно дурацким. В комнату вбежал маленький мальчик, но, увидев незнакомца, замер на месте.

– Дени, – сказал Марк, – это сэр Гилберт Волфорд.

Мальчик тут же расправил плечи, посерьезнел и поклонился в знак приветствия.

Сесили улыбнулась с материнской гордостью.

– Наш сын, Дени. – Она погладила мальчика по голове, взъерошила ему волосы. – Которому уже давно пора спать.

У мальчика – сколько ему? семь? восемь? – были темные, как у матери, волосы, ее овал лица и решительный подбородок. Светло-карие глаза он унаследовал от отца.

– Сэра Гилберта, – сказала Сесили сыну, – вырастил мой отец.

Гил улыбнулся, стараясь успокоить мальчика.

– Твой дедушка был хорошим человеком и великим воином.

– В этом году мальчик должен нас покинуть, – с печалью в голосе произнесла Сесили.

Его примут в другой семье, где он получит соответствующее воспитание. Как когда-то отец Сесили принял к себе Гила.

– Кто будет его учить?

– Мы еще не решили.

Он вспомнил долгие годы учебы. Здесь, в замке Лосфорд, он вначале был пажом. Научился прислуживать за столом, читать стихи и ухаживать за боевыми конями. Затем, став оруженосцем, он учился держать сначала деревянный, а потом и стальной меч, чистить доспехи своего наставника... Лишь гораздо позже его самого посвятили в рыцари.

– Может, отдадите его мне? Я с радостью научу его всему тому, чему учил меня его дед.

Сесили и Марк снова переглянулись. Но не сказали «да».

Гил пожалел о том, что спросил. Всякий раз, как ему казалось, что он чего-то достоин, ему напоминали о прошлом его семьи... Этот мальчик – наследник одного из самых громких английских титулов. И даже доброты Сесили по отношению к нему недостаточно, чтобы она отдала сына на воспитание такому, как он...

– Напрасно я спросил, – поспешно сказал он, стараясь обернуть все в шутку. – Все равно я скоро уйду на войну. – Мальчики не старше Дени будут сопровождать своих рыцарей – пусть не в бой, но все равно окажутся в опасности. – Ваш сын еще мал для того, чтобы воевать.

– Ничего я не мал!

– Замолчи, Дени! – велел его отец.

– Дени, твой отец прав, – сказал Гил, и сердце у него сжалось при виде этого гордого и упрямого мальчика: сейчас Гил недостаточно хорош для него, но когда-нибудь он станет влиятельным кастильским лордом, и тогда... – Прежде чем идти на войну, тебе предстоит несколько лет учиться хорошим манерам и стихосложению.

Мальчик состроил мину, которая говорила все, что он думает о таких занятиях.

– Я должен учиться бою и чести, а не стихосложению.

Сесили притянула к себе сына, одновременно укоряя и защищая его.

– Мне хочется еще немного подержать его дома, – призналась она, в ней заговорила не графиня, а мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.